

*Александр
Пушкин*

*Свечный
человек*

Иллюстрации
Е. П. Самокиш-Судковской

Коллекционная книга

Александр Пушкин

Евгений Онегин

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Пушкин А. С.

Евгений Онегин / А. С. Пушкин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Коллекционная книга)

ISBN 978-5-17-154617-5

Роман в стихах «Евгений Онегин» по праву можно считать энциклопедией русской жизни – в нем отразились быт и нравы первой трети XIX века, и энциклопедией мировой культуры – в нем А. С. Пушкин называет более двухсот имен русских, античных и европейских писателей, философов, полководцев, художников, актеров, композиторов: от Апулея до Россини. Но еще это и энциклопедия чувств, по меткому определению И. Андроникова. Онегину, Ленскому, Татьяне Пушкин отдал часть своей души, и в этих героях отразились черты характера самого автора. Удивительным образом сплелись судьбы любимых персонажей с его собственной, с ее пророческим предсказанием. Этот роман – жемчужина творчества поэта, история красивой и печальной любви. Нежная, кроткая, юная особа и уставший от жизни молодой человек. Их пути неоднократно пересекались, и счастье было бы возможно. Судьба же распорядилась иначе... Даже спустя столетия роман «Евгений Онегин» с его вечными вопросами остается современным, и читатели всех поколений продолжают останавливать на нем «исполненный любви и благодарности взор». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-154617-5

© Пушкин А. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Энциклопедия чувств	7
Евгений Онегин	13
Глава первая	15
Глава вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Пушкин

Евгений Онегин

© Н.И. Михайлова, предисловие, 2023

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Энциклопедия чувств

«9 мая», «28 мая ночью» – такие пометы Пушкин сделал в 1823 году двести лет назад в Кишиневе перед первой строфой чернового текста первой главы «Евгения Онегина». 26 мая был день рождения Пушкина. Ему исполнилось двадцать четыре года.

Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Это стихотворение (Пушкин назвал его «Труд») было написано в Болдине осенью 1830 года. Там, в Болдине, Пушкин в основном завершил свое главное и любимое произведение, свой роман в стихах. По его подсчету, он работал над ним 7 лет 4 месяца 17 дней.

Роман не только печатался, но и издавался отдельными главами. Первая глава вышла в свет в 1825 году.

«Читали ли вы Онегина? Каков вам кажется Онегин? Что вы скажете об Онегине? – вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей», – так началась статья о первой и второй главах пушкинского романа в 132 номере газеты «Северная пчела» за 1826 год.

«4 и 5 песни Онегина составляют в Москве общий предмет разговоров, – сообщал в 1828 году журнал “Московский вестник”. – И женщины, и девушки, и литераторы, и светские люди, встретясь, начинают друг друга расспрашивать: читали ли вы Онегина, как вам нравится новые песни, какова Таня, какова Ольга, каков Ленский».

В гостиных дамам делалось делалось дурно при одном только предположении, что Онегин, может быть, примет вызов Ленского. Молодые люди находили барышень прекрасными, если те были похожи на Татьяну. В глухой провинции юные читательницы воображали возможный благополучный конец романа: ведь Онегин мог бы и не убивать Ленского, а еще лучше Ленский ранил бы Онегина, Татьяна за ним ухаживала, и Онегин полюбил бы Татьяну.

Пушкин в течение семи лет сумел удерживать внимание читателей: владея тайной занимательности, он обрывал повествование той или иной главы на самом интересном месте.

В 1833 году была издана восьмая глава. На обложке напечатано: «Последняя глава Евгения Онегина». Восьмой главой закончилось первое поглавное издание «Евгения Онегина». Поглавное издание романа, но не роман...

В 1833 году вышло в свет первое полное издание «Евгения Онегина». Там были впервые напечатаны «Отрывки из путешествия Онегина».

При жизни Пушкина полным изданием «Евгений Онегин» вышел еще раз – в конце 1836 года (на титульном листе стоял 1837 год). В январе 1837 года «Северная пчела» писала о нем так:

«Два слова об издании. Оно прекрасно: напечатано в уютном формате, мелким, но очень четким и красивым шрифтом на белой бумаге. “Онегин” этого издания уместится и в работном мешочке дамы, и в кармане (не секретарском) мужчины. Публика обязана этою прекрасною книжкою книгопродавцу Илье Ивановичу Глазунову».

Сохранились сведения о том, что «последнюю корректуру этого издания самым тщательным образом просматривал сам Пушкин».

Книга была издана большим по тому времени тиражом – пять тысяч экземпляров. После трагической гибели Пушкина миниатюрное издание «Евгения Онегина» в изящной обложке было распродано в одну неделю...

С детских лет мы помним определение В.Г. Белинского, ставшее хрестоматийным: «Евгений Онегин» – энциклопедия русской жизни. В самом деле, в романе – Петербург, Москва, провинция. В «Отрывках из путешествия Онегина» – Нижний Новгород, знаменитая Макарьевская ярмарка, Астрахань, Кавказ, Таврида, Одесса... Перед нами – все сословия Российской империи: дворяне, купцы, крестьяне... Пушкин знакомит нас с офицерами, помещиками, великосветскими дамами и скромными провинциальными барышнями. Мы видим и крестьянскую деву за прялкой, и дворового мальчика на салазках, запряженных Жучкой, и охтенку с кувшином молока, и крестьянина на дровнях, и немца – «хлебника аккуратного», и разносчика, и бухарцев, и казаков... При этом в кратком повествовании не просто рассказано, а показано очень многое. Перед нами – история России, Наполеон, который ждет в Петровском замке депутацию «с ключами древнего Кремля», подвиг Москвы, ответившей «нетерпеливому герою» пожаром. Перед нами – картины русского быта первой трети XIX века: и блестящий петербургский бал, и спектакль в петербургском театре, и опера в Одессе, и святочные гадания в провинции, и праздник именин в усадьбе. А какой великолепный гастрономический натюрморт в петербургском модном ресторане француза Талона: ростбиф «окровавленный», «трюфли – роскошь юных лет», сыр лимбургский, страсбургский пирог, золотой ананас и «вино кометы» – французское шампанское, приготовленное из винограда урожая 1811 года, когда в небе появилась яркая комета. Как отличается от этого роскошного петербургского застолья праздничная трапеза на именинах в провинции: вместо ростбифа – жаркое, вместо «страсбургского пирога нетленного», то есть паштета из гусяной печени, который доставлялся в Петербург из Страсбурга в консервированном виде – «пирог, к несчастью пересоленный», вместо дорогого французского шампанского – цимлянское, то есть куда более дешевое шипучее вино по названию станицы Цимлянской... И еще – картины русской природы, смена времен года... Всего не перескажешь. Лучше еще раз прочесть «Онегина» и убедиться в том, что прав был В.Г. Белинский: да, пушкинский роман – энциклопедия русской жизни.

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

Так А.А. Ахматова передала свое ошеломляющее впечатление от чтения пушкинского романа. А как точно сказано: «Онегина» громада, но громада воздушная. Энциклопедия русской жизни написана легким пером поэта, написана стихами...

Сегодня исследователи «Евгения Онегина» осмысливают пушкинский роман как энциклопедию русской и европейской культуры. В повествовании Пушкина названо около двухсот тридцати имен. Это имена русских, античных и европейских поэтов, драматургов, прозаиков, философов, полководцев, художников, актеров, композиторов: от Апулея, римского писателя, автора романа «Золотой осел», до Н.М. Языкова, поэта, автора прекрасных элегий, знакомого Пушкина. В черновиках романа названо имя «Мудреца Китая» Конфуция. На страницах «Евгения Онегина» мы встретим В.А. Жуковского, поэта, литературного наставника Пушкина, автора поэмы «Светлана», с героиней которой создатель «Евгения Онегина» сравнивает свою любимую героиню Татьяну, и Гомера, древнегреческого поэта, автора поэм «Илиада» и «Одиссея» (Пушкин называет его «божественным», «тридцати веков кумиром»). В романе речь идет о Джакино Россини, великом итальянском композиторе, авторе опер «Севильский цирюльник», «Отелло», «Вильгельм Телль», – для Пушкина он «упойительный», он «Европы баловень

– Орфей», а главное, «Он вечно тот же, вечно новый». Пушкин описывает «душой исполненный полет» «блистательной, полувоздушной» танцовщицы А.И. Истоминой, упоминает великую трагическую актрису Е.С. Семенову. Здесь упомянуты итальянский художник Франческо Альбани и Ф.П. Толстой, кисть которого Пушкин называет «чудотворной»; великий английский поэт Джордж Гордон Байрон (Пушкин признавался в том, что в начале 1820-х годов он с ума сходил по Байрону) и Иоганн Вольфганг Гете, великий немецкий поэт и драматург, автор романа «Страдания молодого Вертера», трагедии «Фауст» («Вертер, мученик мятежный» – один из героев Татьяны, с Вертером, безвременно ушедшим из жизни, соотносится Владимир Ленский)... В многоголосом хоре пушкинского романа звучат голоса Пушкина и А. Мицкевича, А.А. Дельвига и Овидия, К.Н. Батюшкова и Парни, Е.А. Баратынского и Петrarки, П.А. Вяземского и Тассо...

«Евгений Онегин» – энциклопедия чувств. Так определил роман Пушкина замечательный писатель, историк литературы И.Л. Андроников. Онегину, Ленскому, Татьяне Пушкин отдал часть своей души.

«Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века», – писал Пушкин о герое поэмы «Кавказский пленник». То же он мог бы сказать о герое романа «Евгений Онегин». То же он мог бы сказать и о себе. Ведь и он, Пушкин, – среди тех, кто был молодежью XIX века. И им, как и Онегиным, порой овладевало равнодушие к жизни и ее наслаждениям. Не случайно, когда после окончания Лицея Пушкин жил в Петербурге, он сблизился с Онегиным:

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий охлажденный ум...

Автора, как и его Онегина, «томила жизнь», в нем, как и в Онегине, «сердца жар угас». По-видимому, сходство автора и героя могло обратить на себя внимание, и Пушкин в дальнейшем повествовании поспешил «заметить разность» между ними, чтобы никто не мог подумать, что в Онегине он «намарал» свой портрет.

В Петербурге Пушкин видел китайский балет «Хензи и Тао, или Красавица и чудовище». Деспот Тао, который хотел погубить красавицу Хензи, превращен волшебницей в чудовище. Благодаря искреннему чувству любви к красавице чудовище вновь стало человеком. В первой главе «Евгения Онегина» Пушкин привел своего разочарованного героя именно на этот спектакль. Но Онегин не досмотрел его до конца. А между тем в судьбе пушкинского героя по своему сказан сюжет китайского балета: впоследствии Онегин, подобно чудовищу, под воздействием любви переродился, стал другим.

Холодный скептицизм, разочарованность Онегина – явление, характерное для русской жизни. Но не менее характерен и восторженный идеализм «поклонника Канта и поэта» Ленского. В том, что Пушкин рассказывает о Ленском и его поэзии, многое напоминает и самого Пушкина, и поэтов его круга:

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь

Как и Онегин, Пушкин слушает Ленского с улыбкой, смотрит на него ироническим взглядом. Улыбку вызывают «всегда восторженная речь», «всегда возвышенные чувства», «вечно вдохновленный взор» Ленского. Но все же «возвышенные чувства», «ко благу чистая любовь», «доверчивая совесть», простодушие Ленского остаются для Пушкина неизменными ценностями.

В судьбе юного поэта-романтика Владимира Ленского, погибшего на дуэли, Пушкин пророчески предсказал свою судьбу. Над могилой безвременно ушедшего из жизни юноши автор романа произнес взволнованную речь, вызывая у читателей чувства скорби и сострадания. Мягкая ирония, звучащая некогда в словах Пушкина, сменилась глубокой печалью: он вспоминал о «благородном стремлении / И чувств и мыслей» своего героя, о его «жажде знаний и труда», о его чистоте, о несбывшихся «заветных мечтаниях» и о «снах поэзии святой», не воплотившихся в его поэтическом слове. С торжественной серьезностью сказал Пушкин о том, что могло сбыться и не сбылось: возможно, в Ленском погиб великий поэт, и в нем «для нас / Погиб животворящий глас». Но возможно и другое: охлаждение души, мирное счастье в деревне и прозаическая кончина бывшего поэта «посреди детей, / Плаксивых баб и лекарей». Размышления Пушкина о Ленском – это размышления о жизни, о таинственных путях судьбы.

Татьяна – любимая героиня Пушкина. В этом он признается читателям: «Я так люблю / Татьяну милую мою». Пушкин любовно описывает привлекательные для него черты Татьяны: ее милую простоту, мечтательность, непосредственность чувств, доверчивость, мятежное воображение, ум, живую волю и пленительную своенравность, нежное и пламенное сердце. Ей, Татьяне, как и Онегину, как и Ленскому, Пушкин отдал часть своей души. Это почувствовал В.К. Кюхельбекер. Читая в 1832 году восьмую главу «Евгения Онегина», он записал в дневнике:

«Поэт в своей восьмой главе похож сам на Татьяну: для лицейского товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет».

Пушкин похож на Татьяну, а Татьяна похожа на Пушкина, искреннего в своих чувствах, поэта с «умом и волею живой, / И своенравной головой, / И сердцем пламенным и нежным» и, конечно, – с «воображением мятежным».

Рассказ о детстве Татьяны в некоторых подробностях напоминает детство Пушкина.

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, среди детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

Сестра Пушкина Ольга Сергеевна, вспоминая о детских годах брата, писала о его «всегдашней молчаливости». Пушкин, конечно, не казался в семье чужим мальчиком, но любимым он не был. По словам Ольги Сергеевны, отец, Сергей Львович, «был нрава пылкого и до крайности раздражительного... дети больше боялись его, чем любили. Мать... не могла скрывать предпочтения, которые оказывала сперва к дочери, а потом к младшему сыну Льву Сергеевичу». Пушкин в детстве, как и Татьяна, играм предпочитал чтение: он «рано обнаружил охоту к чтению»; «Ей рано нравились романы».

Свою няню Арину Родионовну, которую он очень любил, Пушкин «подарил» своей любимой героине Татьяне.

Письмо Татьяны мы со школьных лет знаем наизусть. О чем письмо? Только о любви? Нет, в нем еще сказано о долге и добродетели, о милосердии и вере:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.
<...>
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?

Татьяна – идеал Пушкина. Не Онегин с его холодным скептицизмом, не Ленский с восторженным идеализмом, а простая русская барышня с ее великим чувством любви стала милым идеалом автора «Евгения Онегина».

Роман «Евгений Онегин» – еще и поэтическая биография, творческий автопортрет Пушкина. Он рассказал о своей юности, об изгнании и возвращении в Москву из ссылки. Он поделился с нами своей радостью во время встречи с родным городом после пятнадцатилетней разлуки:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

В лирических отступлениях поделился поэт сокровенными мыслями о любви, дружбе, искусстве, поэзии, поведал о творческом пути, который привел его от романтизма к поэзии действительности. И еще – Пушкин сказал о своем поэтическом бессмертии. Серьезно и вместе с тем легко и иронично написал он в «Евгении Онегине» о своей посмертной славе:

Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа

Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.
И чье-нибудь он сердце тронет;
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья;
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

Что еще добавить к сказанному? Разве что привести суждение В.Г. Белинского:

«Пусть идет время и приводит с собою новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет “Онегина”: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор».

Наталья Михайлова

Евгений Онегин

Роман в стихах

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière¹

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собрание пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

¹ Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – вследствие чувства превосходства, быть может, мнимого. *Из частного письма (франц.)*

Глава первая

И жить торопится и чувствовать спешит.
Кн. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня².

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy*³ лондонский одет —
И наконец увидел свет.

² Писано в Бессарабии. (Все знали, что он употребляет белила; и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки; это занятие он долго продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки кожи. («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо) (франц.).)

³ Dandy, франт.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принуждения в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*⁴,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

⁴ Будь здоров (*лат.*).

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Навон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

.....
.....
.....

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!

Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

ХІІІ. ХІV

.....
.....
.....

ХV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*⁵,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

ХVІ

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁶ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

⁵ Шляпа à la Bolivar.

⁶ Известный ресторатор.

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*⁷,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,

⁷ Прыжок (*франц.*)

Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,

Но и Дидло мне надоел»⁸.

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони, —
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,

⁸ Черта охлажденного чувства, достойная Чальд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе.

Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом⁹.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

⁹ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençais de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau. (*Confessions J. J. Rousseau* («Десять лет изгнания» (франц.)).) Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой.

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к сеням;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волосы рукой,
Вошел. Полна народу зала;

Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шепот модных жен.

XXIX

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

XXX

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладелый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

XXXI

Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для вас я забывал
И жажду славы и похвал,
И край отцов, и заточенье?
Исчезло счастье юных лет —
Как на лугах ваш легкий след.

XXXII

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоценимую награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуна камина,
На зеркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

XXXIII

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

XXXIV

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя...
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..
Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтинка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полночь, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,

Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный, Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI

.....
.....
.....

XLII

Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;
И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон;
Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*¹⁰.

XLIII

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.

¹⁰ Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностию и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившею г-жу Сталь. (См. *Dix années d'exil* [Если бы я имел безрассудство еще верить в счастье, я бы искал его в привычке (*франц.*).]).

Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать – но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он – с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой;
Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.
Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований.
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою¹¹
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

¹¹ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича: Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак. Без звезд и без месяца вся озаряется дальность. На взморье далеко сребристые видны ветрила Чуть видных судов, как по синему небу плывущих. Сияньем бессумрачным небо ночное сияет, И пурпур заката сливается с золотом востока; Как будто денница за вечером следом выводит Румяное утро. — Была то година золотая, Как летние дни похищают владычество ночи; Как взор иноземца на северном небе пленяет Слиянье волшебное тени и сладкого света, Каким никогда не украшено небо полудня; Та ясность, подобная прелестям северной деви, Которой глаза голубые и алые щеки Едва оттеняются русыми локонами, Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени; Тогда Филомела полночные песни лишь кончит И песни заводит, приветствуя день восходящий. Но поздно; повеяла свежесть на невиские тундры; Роса опустилась; Вот полночь: шумевшая вечером тысячу весел, Нева не колыхлет; разбегались гости градские; Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо; Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою; Лишь крик протяженный из дальней прочитается деревни, Где в ночь окликается ратная стража со стражей. Всё спит.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит¹².
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою молодой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;

¹² Въявь богиню благосклоннуЗрит восторженный пиит,Что проводит ночь бессонну,Опершись на гранит.(Муравьев. Богине Невы)

Брожу над морем¹³, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутию моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей¹⁴,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Заимодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,
Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя
Иль предузнав издалика
Кончину дяди-старика.

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приговляясь, денег ради,

¹³ Писано в Одессе.

¹⁴ См. первое издание Евгения Онегина.

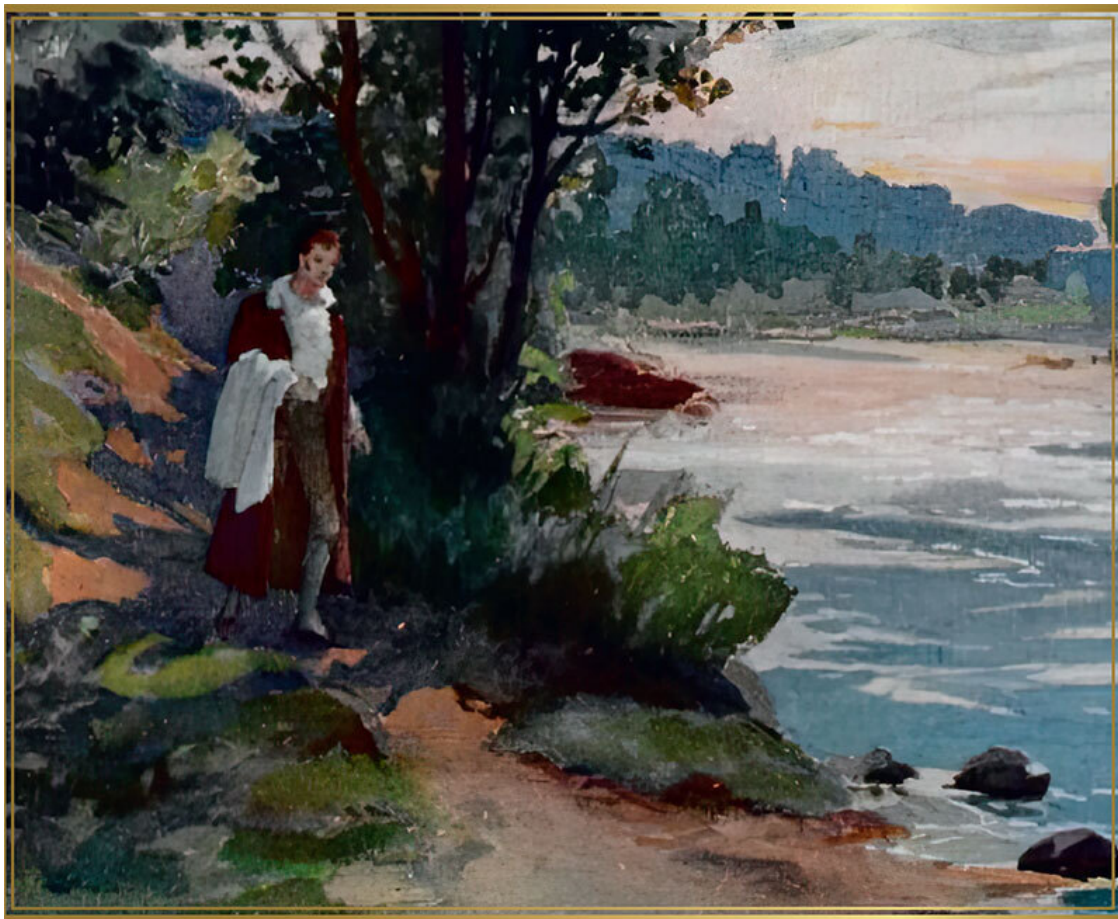
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

LIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и друзья,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин – сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвящаться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente*¹⁵ мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

¹⁵ Безделье, праздность (*итал.*).

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?»

LVIII

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу

Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Глава вторая

O rus!
*Hor.*¹⁶
O Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

II

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

¹⁶ О деревня!.. *Гораций* (лат.).

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с клюшницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги, —

Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё *да да нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев.
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем.
И муз возвышенных искусства,
Счастливцев, он не постыдил;

Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

Х

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных.
Он пел разлуку и печаль,
И *нечто*, и *туманну даль*,
И романтические розы;
Он пел те дальные страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

ХІ

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

ХІІ

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;

Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
*Приди в чертог ко мне златой!..*¹⁷

XIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал

¹⁷ Из первой части Днепровской русалки.

И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденьях зыбкий,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново;
Он охлаждающее слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.